

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

ПОСЛЕДНИЙ
• АМУЛЕТ •
БЛАВАТСКОЙ

Великие тайны прошлого. Детективы Е. Барсовой

Екатерина Барсова

Последний амулет Блаватской

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсова Е.

Последний амулет Блаватской / Е. Барсова — «Эксмо»,
2023 — (Великие тайны прошлого. Детективы Е. Барсовой)

ISBN 978-5-04-185636-6

Серафима происходит из дворянского рода Анастасьевских. Ей известно фамильное предание о юной Мари, убитой в родовом поместье. Тело так и не нашли, только окровавленное платье на берегу реки... Случайно узнав, что на одном из кладбищ в Италии есть могила некой Марии Анастасьевской, Серафима загорается желанием выяснить: вдруг это та самая девушка? Путь к разгадке тайны лежит через архив провинциального городка, рядом с которым находится полуразрушенная фамильная усадьба. Серафима отправляется туда – и попадает в криминальную историю, странным образом связанную с событиями почти двухвековой давности, а также загадочным амулетом прославленного философа Елены Блаватской... Романы Екатерины Барсовой – захватывающие остросюжетные драмы, в основу сюжета которых ложится расследование преступлений, имеющих сходство со знаменитым преступлением прошлого. Читателей ждет свежий взгляд на нераскрытые тайны минувшего века, неожиданные версии и потрясающие открытия.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185636-6

© Барсова Е., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая. Ангел и его секреты	6
Глава вторая. Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать	14
Глава третья. Пейзаж с призраками	20
Глава четвертая. Первое знакомство с прошлым	27
Глава пятая. Последний спиритический сеанс	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Барсова

Последний амулет Блаватской

© Барсова Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая. Ангел и его секреты

*Скоро ты забудешь обо всем, и все, в свою очередь, забудет о тебе.
Марк Аврелий. Наедине с собой*

– Привет! – Голос сестры был каким-то странным, словно она только что плакала. В трубке шумели помехи, хотя вчера они разговаривали в этот же час и слышимость была нормальной. Правда, в последнее время связь работала отвратительно. А тут все-таки даже не другой город... Заграница!

– Лина. Ты? – осторожно спросила Серафима. Вдруг это была не сестра, а чужой человек. Может, расстояние так исказило голос, что она приняла желаемое за действительность... а сейчас поймет, что ошиблась. А на том конце извинятся, скажут, что перепутали номер, и повесят трубку. Мелкое недоразумение благополучно разрешится, и она напишет сестре в месседж о том, что той пора бы и позвонить, иначе у нее уже развиваются слуховые галлюцинации, а в конце предложения поставит улыбающийся смайлик.

– Ну я. Кто же еще? – В голосе сестры угадывалась насмешка. Теперь слышимость была четкой, как будто звонили из соседнего дома. – Тебе кто-то еще звонит в это время? Рассказывай – кто! Опять какой-нибудь ботаник звонит и дышит в трубку, боясь сказать хоть слово. Помнишь, был у тебя такой...

– Нет, никто не звонит... Никаких ботаников! – воскликнула Серафима.

В памяти всплыло, как некоторое время назад ей звонил какой-то человек и молчал... Ошибки быть не могло. Один раз можно еще списать на то, что набрали неправильный номер, но когда это случилось во второй, третий, четвертый раз... Причем в одно и то же время... Серафима как раз усаживалась на балконе, с которого открывался прекрасный вид на Москву-реку, пить вечерний чай... и тут раздавался звонок. Так продолжалось в течение недели, звонили каждый вечер, но номер был скрыт, и вычислить его не представлялось возможным. Серафима пожаловалась сестре, но та со смехом сказала, что какой-то молодой человек, влюбившись в Серафиму, потерял дар речи, вот и названивает в надежде услышать ее голос. Перебрав всех своих знакомых, а также сослуживцев, Серафима не могла представить, кто это мог быть... Никаких тайных воздыхателей и влюбленных на горизонте не обнаруживалось, так что поведение неизвестного было весьма странным.

– Я рада, что у тебя все хорошо. – Сестра выпалила эти слова и замолчала. – Чем сейчас занимаешься? Давай угадаю! Пишешь статью? Жаришь куриные котлеты... М-м-м. Как они у тебя получаются? Ни в одном кафе таких нет... – И снова пауза. То, как сестра говорила, какие делала долгие паузы, сам ее голос – не бодрый и веселый, а какой-то подавленный, внушало Серафиме тревогу.

– Линка! Что с тобой?

– Ничего.

– Но я же чувствую. Что-то случилось, – допытывалась Серафима. – У тебя голос какой-то не такой... странный. Тебя кто-то напугал? Возникли проблемы?

– Не преувеличивай свои способности... – В голосе «младшенькой», как называла ее про себя Серафима, снова прозвучала насмешка.

– Я же знаю тебя... чувствую... Ну говори же!

– Хорошо, считай, что ты права, – со вздохом призналась сестра. – Случилось. Правда, я думала сказать тебе об этом, когда приеду. Не хотелось по телефону. Это все так непонятно...

– Ну говори же!

– Я тебе рассказывала, что в числе прочих достопримечательностей в Генуе я хотела посетить кладбище Стальено?

– Да, говорила... Ты мне показывала карту своего маршрута. Спрашивала мое мнение. Я сказала, что ты герой-путешественник, раз стараешься охватить необъятное. Я еще выразила сомнение, что тебе это удастся.

Это было одним из основных дел младшенькой накануне очередного путешествия. Составить заранее карту маршрута, потом добавлять туда все новые и новые пункты. Когда же Серафима говорила, что день не резиновый, то Ангелина со смехом возражала: подумаешь, сокращу время. Вместо двух часов проведу там один. Число достопримечательностей, где обязательно нужно было отметить, все росло и росло... Серафиме представлялось, что сестра пробегает город, нигде не останавливаясь, если только на пару минут, чтобы сделать снимок и мчаться дальше. Сейчас наступило такое время, что не сделаешь фото, не выставишь его в «телеге» или в «Инстаграме», никто тебе не поверит, что ты там был. Только вещественные доказательства принимаются на веру... Так сказать, визуальный контент.

– Я была там...

– Поздравляю. Еще одна галочка в твоем списке... я рада. Есть что показать своим знакомым... Кстати, ты мне еще снимки не прислала. Кладбище и вправду занятное.

Серафима вспомнила, как Ангелина показала ей фотографии этого кладбища, найденные в интернете, – какое жуткое и вместе с тем завораживающее зрелище представляло собой Стальено. Мраморные скульптуры людей, которые выглядят как живые, словно они замерли, но в любой момент кто-то их расколдует, и они пойдут гулять по кладбищенским дорожкам...

Ангелина каждый день присылала сестре снимки мест, где она побывала, снабжая их подробными записями.

– Ты даже не представляешь, что я там нашла, – зазвенел голос Лины.

Даже на расстоянии слышалось, что она тяжело дышит. Не дай бог простудится, мелькнуло в голове у Серафимы. Она привыкла заботиться о своей сестре с тех пор, как родители погибли в автокатастрофе, и ей пришлось стать для Лины и матерью, и отцом. Ей было тогда девятнадцать лет, а Лине – девять. Ей предлагали сдать сестру в детдом, но Серафима сказала свое жесткое «нет» и прибавила, что воспитает и вырастит сестру сама. Без посторонней помощи. И уж тем более она не собирается ее куда-то сдавать. Сказать, что ей было трудно, значит не сказать ничего. Лина поглощала все ее внимание без остатка. Она помнила, как страшно плакала по ночам Лина, как ей приходилось возвращаться к жизни заново. А Серафима не могла позволить себе такой роскоши, как слезы: была вероятность, что Лина ее услышит. ...Серафима боялась, что эта травма оставит неизгладимый отпечаток на психике сестры. Она тщательно отбирала к просмотру фильмы и спектакли, чтобы там не было плохих финалов и тяжелых ситуаций. И только когда Лина выросла, Серафима ощутила пусть небольшое, но облегчение...

Вот сейчас восемнадцатилетняя Лина уехала в Италию... будучи студенткой факультета культурологии одного из московских вузов. А Серафима осталась дома... Она работала частным психологом, давала консультации, писала статьи в научные и популярные журналы...

Последним пунктом путешествия значилась Генуя. Через два дня Лина должна была вернуться в Россию.

– Ну что там? – снисходительно-добродушно спросила Серафима.

– Скажу потом! Тут меня зовут... – При этих словах сестра дала отбой.

Следующий звонок от Лины раздался через два часа. Серафима уже поутюжила простыни и пододеяльники: она любила запах выглаженного белья, проверила почту, собралась посмотреть английский детективный сериал. Тут позвонила Лина.

– Ты спишь?

– Нет.

– Я сейчас одна, поэтому могу говорить.

- А с кем ты там еще была? – удивилась Серафима.
- С Сережей. Мы познакомились вчера на экскурсии.
- Что еще за Сережа? – строго спросила сестра.
- Обычный парень. Художник. Но он живет в Генуе.
- Ты там... поосторожней, – напомнила Серафима. – С новыми знакомствами.
- Ты о чем?

Даже на расстоянии Серафима словно увидела, как вспыхнула Ангелина. Она не любила, чтобы ее считали маленькой, и всегда стремилась выйти из-под опеки старшей сестры. «Старшая сестра»... был еще такой фильм. Это как вечное напоминание – что-то не сделано, забыто, упущено. Нужно всегда быть начеку, не принадлежать себе до конца, помнить, что есть существо, которое постоянно нуждается в тебе. Иногда Серафиме казалось, что она родилась с этой печатью старшей сестры; по-другому она себя уже и не воспринимала...

– О том самом.

– Я во всем разберусь сама, – сказала сестра неестественно высоким голосом, что являлось признаком самой настоящей обиды.

«Какие же мы теперь уже взрослые... никто нам не указ...» – подумала Серафима и невольно улыбнулась.

– Ладно. Не кипятись, не принимай мои слова слишком близко к сердцу.

– Я в полном порядке.

Возникла пауза.

– Разве ты не хочешь узнать, что я обнаружила на кладбище в Стальено?

– Ну говори, я чувствую, что тебе не терпится рассказать мне. Я тебя внимательно слушаю.

– Нашу прапрапрабабку.

– Какую? Кого ты имеешь в виду?

– Все очень просто... – В голосе Ангелины слышались торжествующие нотки. – Я бродила по кладбищу Стальено. Там так-а-ак красиво, но вместе с тем жутко. Правдоподобие полное. Как будто эти фигуры сейчас сойдут с пьедестала и заговорят с тобой или, еще хуже, побегут. Помнишь, когда я была маленькой, ты читала мне Пушкина, «Медного всадника»? Мне было страшно себя представить на месте этого несчастного Евгения, когда за ним гонится Медный всадник, жуть еще та...

– Хорошо, что ты это помнишь. А то иногда бросаешь мне упрек, что тебя мало воспитывали...

– Да. Помню. Так представляешь, иду я, иду по кладбищу... – Сестра замолчала. Серафима знала, что Лина любит рассказывать свои истории медленно, с подробными отступлениями... – Вдруг вижу знакомую фамилию: Мария Анастасьевская. Это же наша родственница? Да?

– Ты ничего не путаешь? – осторожно спросила Серафима.

– Я? – недовольно протянула Ангелина. – Конечно, нет. Я даже сфотографировала памятник, зная, что ты не поверишь. Сейчас тебе перешлю. У нас, оказывается, есть родственница в Италии?

– Если ты ничего не путаешь, то этого не может быть...

– Почему?

– Потому что ее убили...

– Ах да. Это та самая страшная семейная история... Я помню.

– Ты возвращаешься через два дня?

– Да. Встречать меня не надо. Я сама приеду к тебе.

– Ну хотя бы позвони заранее, чтобы я была готова.

– Естественно. Об этом можно даже и не напоминать. Позвоню или отправлю эсэмэску.

– То, что ты сказала о нашей родственнице – я пока ничего не понимаю. Как она могла очутиться в Италии?

– Да-да, – с жаром сказала Ангелина. – Я сама удивилась. Поэтому и сфотографировала памятник.

– Перешли прямо сейчас мне этот снимок. Я все внимательно посмотрю.

– Окей.

– Какой дальше маршрут?

– Все расписано. Завтра еду в национальный парк Чинкве. Представляешь, на его территории расположены пять средневековых городков. Такие маленькие и прелестные, я читала о них. Там же есть еще дорога Любви, которая соединяет Риомаджоре и Манаролу. Какие названия! Как музыка! Плюс планирую еще позагорать. Потом хочу посетить Портофино, слышала о таком?

– Естественно!

– Если повезет, увижу там какую-нибудь знаменитость. Мадонну, например, или Джорджа Клуни. Или кого-то из наших.

– С автографом не очень приставай. А то еще заберут в участок.

– Не пристану... Если что – буду вести себя в рамках приличий. На шею кидаться и визжать от восторга не стану. Вот такая программа.

– Ну молодец! Жду.

– Не забудь приготовить блинчики с вишней. Как я люблю.

– Сделала бы и без твоего напоминания. Я прекрасно помню, что ты любишь. Уже изучила за много лет. Так что все будет готово. Будь осторожна в аэропорту, там орудуют карманные воры. Держи сумку спереди. Так ты будешь ее контролировать. Все поняла? Целую.

– Чмок-чмок. Без советов ты – это не ты.

После разговора с сестрой Серафима встала и посмотрела на себя в зеркало на стене. Лицо бледное. Под глазами – глубокие тени. А что ты хотела, усмехнулась она. Вот уже третью ночь сидишь над статьей, которую надо срочно сдавать. Конечно, выглядеть, как на рекламной картинке, в таких условиях не получится. Мысли ее вернулись к разговору с сестрой. Тут раздался характерный звук – пришло сообщение.

Серафима поднесла телефон ближе к глазам. Мраморный ангел на постаменте. Была видна надпись на итальянском языке: Мария Анастасьевская. Удивительное совпадение! Она вздохнула и задержала вздох... Разве так бывает?.. Это их родовая фамилия. Правда, сейчас они с Линой носят фамилию Васильевы... Но Анастасьевские – это их род, корни...

Серафима вернулась к своему столу, за которым работала. Она жила с сестрой в двухкомнатной квартире, доставшейся им от родителей. Откуда-то вспомнились слова бабки... Из каких глубин памяти? Иногда бабка говорила их сосредоточенно, глядя куда-то перед собой. При этом ее взгляд становился как будто невидящим, что страшно пугало маленькую Серафиму.

Беги-беги беги

А то не носить головы

Не останавливайся нигде

Пока не окажешься в Караганде.

– Баб, а баб, о чем ты? – тянула ее за руку Сима.

– А ты не обращай на меня внимания. Вырастешь – расскажу. Не сейчас. Пока ты еще мала.

После этих слов она какое-то время еще раскачивалась из стороны в сторону и что-то шептала, но слов Серафима разобрать не могла. Погибшая Анастасьевская была их предком...

Эта легенда передавалась из поколения в поколение; страшный случай, о котором хотелось поскорее забыть. Да никак не получалось...

Жила-была молодая девушка, родившаяся в дворянской семье.

Мария трагически погибла, когда ей было семнадцать лет. Погибла в усадьбе, куда семья уезжала каждое лето, – в родовом имении. Там, где настоящее раздолье: озеро, река, поля и луга. Серафима была там однажды проездом, очень давно, но до самой усадьбы она не дошла – что-то остановило ее, какое-то предсказание старой бабки, что это место опасно. Там погибла молодая красавица, которой расти бы и расти, цвести и радовать родных, окружающих, будущего мужа. Если бы все было нормально, то Мария дожила бы до преклонного возраста и стала толстой матроной с целой стайкой детишек. В то время рожали много не только крестьяне, которым, понятное дело, нужна была рабочая сила, но и благородные дамы. Если бы выпала такая судьба... Но Мария была зарезана, ее тело не нашли. Только кровь в небольшой пристройке, тело же было, по-видимому, сброшено в реку, так как на берегу остались туфли и одежда...

Родители были безутешны... Но у них остались еще дети – дочь Вера и сын Владимир.

Размышления Серафимы прервал телефонный звонок. Это звонил старый приятель Гриша Крайман. Его и Серафиму связывала дружба, хотя Гриша был бы рад, если бы их отношения переросли во что-то большее. Но это было не нужно Серафиме. Пару раз Гриша, уязвленный ее холодностью, делал попытку уйти от нее, но потом возвращался обратно. Имея образование историка, он большую часть своей жизни работал журналистом. Ему нравилось мотаться по командировкам, знакомиться с разными людьми. Писать статьи к горящим дедлайнам. Словом, его привлекало все то, что составляет журналистскую профессию. Однажды очередное издание, в котором работал Гриша, собиралось отправить его в годичную командировку в Латинскую Америку, в Бразилию. Он предложил Серафиме поехать с ним. При этом все расходы он брал на себя. Серафима отказалась. А вскоре командировка отменилась. То ли Гриша сам отказался от нее, то ли его подсадили более резвые коллеги – Серафима не знала, она не спрашивала. А Гриша не говорил.

– Привет! – раздался Гришин голос. – Что делаешь?

– Только что разговаривала с Линой.

– Ребенок все еще там? В Италии?

– Да. Скоро приедет.

– И что там? Все скачет по городам и весям...

– Скачет... Гриш... – запнулась Серафима. – Там какая-то история непонятная.

– Что-то случилось? – забеспокоился ее собеседник.

– Нет, все в порядке. Тут другое...

Серафима рассказала ему о странной находке на кладбище Стальено и замолчала. Молчание наступило и на том конце провода.

– Дела... А она не ошиблась?

– Вроде нет. Прислала фотку в качестве доказательства.

– Вдруг это случайное совпадение?

– Ага, такая вот мистика, – с нервным смешком ответила Серафима. – Не находишь...

– Нахожу... – согласился Гриша. – Но вся наша жизнь – вот такие вот странные совпадения.

– Не преувеличивай!

– Это я так... философствую от нечего делать... Но случай действительно странный...

– Более чем. Ладно. Как у тебя-то дела?

– Да все по-старому... Новостей пока нет и не предвидится.

– Не зарекайся.

Возникла пауза...

– Иногда отсутствие новостей, как ты знаешь, уже хорошая новость...

– Согласна. Но не всегда!

– Так кто из нас философствует? Кстати, не хочешь встретиться? Посидеть где-нибудь в тихом кафе.

– Не знаю. В ближайшие дни – вряд ли. Готовлюсь к приезду Лины. А там посмотрим.

– Ну, тогда пока. – И Гриша дал отбой.

Через два дня приехала Лина. Она запретила Серафиме встречать ее в аэропорту, сказала, что не маленькая, доедет сама. Серафима не стала настаивать, подумав, что Лине и вправду надо давать больше самостоятельности. Лина училась в институте и одновременно подрабатывала. Денег хватало на жизнь и съем крошечной однокомнатной студии на окраине Москвы. Лина съехала полгода назад и очень гордилась тем, что она сама себя кормит. Серафима не стала удерживать или отговаривать сестру от этого шага. В душе она очень боялась, что Лина будет слишком к ней привязана и не сможет жить отдельно. Станет всегда цепляться за старшую сестру, сверяться с ее мнением во всех своих действиях и поступках. Хотя Серафима первые два месяца очень скучала; было непривычно приходиться домой в квартиру, опустевшую без Лины. Но про себя она твердила, что это для блага сестры, было бы гораздо хуже, если бы та оказалась не способна к самостоятельной жизни и вечно пряталась за спину Серафимы. Сначала Лина приезжала трижды в неделю, потом один раз, а в последнее время и того реже. Так некогда близкие люди и утрачивают связь, с грустью думала Серафима. Когда они разъезжаются, то вначале есть желание и потребность видаться, еще трудно отдалиться, забыть совместное житье-бытье. А затем наступает привыкание... Люди постепенно начинают обходиться друг без друга... Наверное, большинство даже не замечает, когда приходит этот момент.

Услышав звук открывшейся двери, Серафима вышла в коридор, но Лина сестру опередила и с разбега повисла на ней.

– Симка! Я так по тебе соскучилась-а-ась... правда-правда. Мне тебя не хватало. Давай, в следующий раз поедем вместе куда-нибудь отдохнуть. А?

Сестра была не похожа на Серафиму. Темноволосая, крепенькая, в кудряшках. Серафима любовно провела по волосам Лины.

– До следующего раза дожить надо. Но мне эта мысль нравится. Похорошела. Однако вроде похудела. Или мне так кажется...

– Надеюсь, что пару-тройку килограммов сбросила. Попробуй протащись по всем этим местным достопримечательностям. Я уже пожалела, что составила такой длинный список. Надо было половину выкинуть. Ходила бы себе спокойно и не рвалась в новые места.

– Ну так в чем было дело? Взяла бы и укоротила свой список.

– Нельзя, я приняла блогерский вызов и должна была потом отчитаться.

– Что за блогерский вызов? Слова-то какие! На ринг, что ли, друг друга вызываете?

– Я тебе просто еще ничего не успела объяснить. Есть что поесть? А то я с дороги голодная...

Сестра всегда отличалась хорошим аппетитом.

– Я тебе блинчики приготовила.

– Давай всю тарелку. Я сейчас слона могу съесть.

– Сначала руки вымой.

– Я так и знала! – с торжеством воскликнула Лина. – Так и знала... это прямо детство мне напоминает. Руки мыть с мылом три раза, а потом досуха вытирать полотенцем.

– Надеюсь, сейчас без меня, живя отдельно, ты эти правила соблюдаешь?

– Этого ты уже не видишь?

– Хотелось бы знать, что я вложила в тебя нечто хорошее, что осталось с тобой.

Господи, что я несу, мелькнуло в голове Серафимы, я говорю как старая дева или нудная училка.

Лина, оставив чемодан в прихожей, понеслась в ванную, на ходу скидывая куртку.

За столом на кухне, уплетая блинчики, она рассказывала о своей поездке и смотрела на Серафиму сияющими глазами.

– И что такое «блогерский вызов»?

– Просто мы создали группу. Тот, кто путешествует, должен посетить как можно большее количество мест. Кто наберет больше очков, тот станет победителем. Приз – двухдневная поездка в Питер.

– Безумие какое-то. Вы, наверное, списки раздули как могли.

– Что делать? Соревнуемся! А насчет этой могилы что ты думаешь?

Серафима вздрогнула.

– Не знаю.

– Вот здорово было бы, если бы у нас там обнаружилась родственница.

– В любом случае она уже умерла. Столько лет прошло!

– Но ее дети-то остались!

– Откуда мы знаем, были ли у нее дети, и вообще это могло быть совпадением. И никакой нашей родственницей эта женщина не является.

– Ага! Таких совпадений не бывает... Фамилия достаточно редкая.

Серафима не хотела развивать эту тему.

– Что будешь: кофе или чай?

– Давай чай фруктовый. Кофе я напилась в Италии. Он там обалденный. Такого кофе нет нигде. Умеют же они готовить. В самой последней забегаловке кофе такой, что хочется его пить и пить.

– Верю. Это признают многие туристы. И, наоборот, жалуется на кофе в Британии и Франции.

– Этого я не знаю, – несколько чопорно сказала Лина. – Надо проверить. У тебя что нового?

– Нового? Да все по-старому.

Раздался звонок мобильного у Лины.

– Ой. Это меня... – Она выскочила в коридор, чтобы Серафима не услышала разговор.

Секреты... Может, какой-то мальчишка. Хотя раньше сестра обо всем Серафиме рассказывала... Взрослеет и не хочет делиться с ней своей личной жизнью.

Вернувшись, Лина сказала:

– У меня сегодня мероприятие. Меня пригласили в одну галерею. Сегодня я заночую у тебя. А завтра уже рвану к себе... Не с чемоданом же мне тащиться туда. Не возражаешь?

– Что за глупости! Конечно, нет. Во сколько придешь?

Лина скорчила рожицу.

– А я почему знаю. Но ты ложись, не жди меня.

Серафима невольно улыбнулась. Раньше она никогда не могла заснуть, если Лины не было дома. Несмотря на уверения сестры, что с ней все в порядке и она скоро придет, Серафима занимала себя любыми делами: от написания статей до подготовки еды, только бы не сидеть, уставившись в стенку и мучительно дожидаясь возвращения Лины. Когда чем-то была занята, время ожидания пролетало быстрее. И все равно ей казалось, что оно тянулось слишком медленно. А когда Лина открывала дверь, Серафима выходила в коридор и обнимала ее. И никогда не ругала за поздние возвращения...

– Ты же знаешь, я не могу уснуть, если тебя нет.

– Давай я тебе скину все свои фотки – смотри, пока меня нет... Любуйся.

– Скидывай... Будет чем заняться.

Лина умчалась. А Серафима стала рассматривать фотографии. Когда она дошла до снимка той самой могилы, то увеличила его и внимательно рассмотрела. И поняла, что кто-то стирал на памятнике дату рождения. Вот только зачем это делали?

Глава вторая. Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать

*При юности и красоте мудрость проявляет себя очень редко.
Гомер*

Усадьба казалась ей не просто большой, а по-настоящему огромной. Каждое лето они выезжали туда, и всякий раз уже с весны Мария с замиранием сердца ждала этого момента. Несмотря на то что все ей было там знакомо, она открывала для себя этот край заново. Разве можно забыть липовую аллею, кусты крыжовника, озеро, окаймленное лугом с ромашками и васильками, дом с колоннами, утопающий в зелени... А варенье... вишневое, малиновое... Пенка...

Папенька обычно дразнил ее, но ласково, шутя – «вишневое счастье» – за любовь к вишне, она обожала есть эти сочные темные ягоды с кислотовато-сладким вкусом. Потом ладони были красными от ягодного сока, и надо было их отмывать холодной водой. Папенька – внешне строгий, а на самом деле добрый и мягкий человек. У него волосы и усы были седыми, белыми, как снег. Папенька воевал в 1812 году совсем молодым, но не любил рассказывать о тех днях и битвах. Хотя от других она слышала о его храбрости и отваге, которую тот проявил в бою. Наполеона он называл не иначе как «разбойник Буоньопарт»... При этом его брови сдвигались, а в глазах появлялось свирепое выражение, хотя папенька был милейшим человеком, не обижавшим и мухи не в пример маменьке, которая держала всю семью в подчинении, в ежовых рукавицах. Кроме Марии-Ангелины в семье были еще старшие – брат Володя и сестра Вера. Мария была озорницей и непоседой, Вера – мечтательницей, вечно витавшей в облаках. Она любила прогуливаться по дорожкам старого сада с томиком стихов в руках... Это несмотря на то что Мария старалась растормошить ее, потащить на озеро или соблазнить поиграть в гуси-лебеди: вбежать на пригорок, а оттуда нестись, раскинув руки. От всего этого Вера отмахивалась, глядя на Марию со снисходительной улыбкой.

В этот раз Мария решила вести себя более чинно, в конце концов, ведь ей шел осьмнадцатый год, и она была уже почти взрослой. Ребенок, сущий ребенок, возражала мать. Нет, топала ногой Мария, я уже взрослая, прошу вас относиться ко мне соответствующим образом.

Владимир обычно в семейные легкие пикировки не вступал. У него имелись другие интересы, он был приписан к полку, там шли чередой дружеские попойки. Разговор вертелся вокруг дам, охоты, хитросплетений внешней политики... Вера, которая была старше Марии на четыре года, прекрасно знала французский, хорошо рисовала, играла на фортепьяно, пела... Мария такими талантами обладала в меньшей степени. Ее с некоторых пор влекло совсем другое...

Она сегодня находилась в приподнятом настроении. К Володе собирались приехать его друзья. Георгий, которого она называла Жорж, и Николай, Николая... В Москве эти друзья Владимира всю флиртовали с ней. Мария же кокетничала с ними со всем пылом и легкомыслием, никому не отдавая предпочтения. Вера смотрела на это со своей всегдашней чуть снисходительной улыбкой. Сама она была помолвлена с человеком на двадцать лет старше ее. В семье говорили, что Вера сделает хорошую партию. Свадьба была назначена на осень, на выданье была Мария, но она своим поведением напоминала задорного щенка, которого впервые выпустили на волю; порой мать с напускной серьезностью говорила, что такую шалунью и озорницу никто замуж не возьмет.

– И не надо! – восклицала Мария. – Я буду жить так, как надо мне, а не какому-то противному мужу. Он будет подкручивать усы, играть в карты, стучать палкой по полу, кричать на всех, от него будет пахнуть табаком, а после охоты – мокрыми собаками.

– При чем здесь мокрые собаки? Откуда у тебя такие представления о муже, о семейной жизни. Не говори так, – сердилась мать. – Долг каждой женщины стать матерью семейства, познать счастье материнства, которое хотя и приносит много хлопот и огорчений, но вместе с тем является источником радости и любви.

– Ах, маменька, – целовала ей руку Мария. – Я все поняла, душа моя. Простите вашу дочь за дерзкие речи, я обещаю исправиться и впредь быть благоразумной и почтительной. Теперь же я хочу пойти побегать вокруг озера. Там распустились кувшинки.

– Только не упади, Мари, – предупреждала мать. – Озеро очень глубокое, вот на прошлой неделе один мужик утонул в нем. Упал, а выбраться не смог. Говорят, водоросли утянули на дно.

Но Мария уже неслась к озеру. Она любила смотреть на воду. Любила, когда ветер поднимал небольшие волны и развеивал ее волосы. А если долго смотреть в одно место, то казалось, что там, в глубине, кто-то шевелится и ждет своего часа, чтобы утянуть к себе. Какое-то странное существо из другого, не нашего мира... Водяной из сказки или неведомый призрак. Если рядом вырастала старшая сестра Вера, она окликала Мари.

– Что ты там увидела? – интересовалась Вера.

– Ой, страшный такой сидит там с бородой, смотрит на меня. Оттуда... Глаза желтые, как свечки, в бороде ужи копошатся, посохом своим трясет...

– Вечно ты все выдумываешь... Я решила, мертвеца какого разглядела, ты не смотри долго, а то мало ли что... Заманят тебя. Говорят, в озере люди тонут, а потом всплывают. Стоят какое-то время на дне, ждут, когда кто-то их увидит. Жертва им нужна. Увидят кого, поманят, голова закружится. Упадет в озеро человек, и все.

– Какие страсти! А еще говоришь, что я выдумываю... а сама...

– Мари! Я пошла, – строго говорила Вера, взмахнув томиком стихов. – Погуляю по аллее...

Ей поскорее хотелось закончить этот разговор.

Вот и в этот раз Мария нашла свое любимое место: небольшую заводь, где недалеко от берега цвели кувшинки как лучистые яркие звездочки. Так хотелось сорвать хоть одну, но как это сделать? Можно ведь упасть. А подцепить нечем. Мария осмотрелась вокруг. Взгляд ее упал на крючковатую палку, лежавшую на земле. Похоже, это то, что ей надо. Она взяла палку в руки, сделала шаг вперед...

– Мари! – услышала она позади себя громкий голос. – Мари!

От неожиданности она взмахнула руками, палка выскользнула из рук и полетела в воду.

– Жорж!

– Мари! Что с вами?

– Я собиралась достать кувшинку. А вы меня испугали. Палка упала в озеро, я тоже едва не нырнула вслед за ней. Охота вам подкрадываться внезапно и так людей пугать.

– Ах, Мари, простите... Я не хотел... Вам нужна кувшинка? Одну минуточку!

– Жорж! Куда вы? Жорж, не смейте. Здесь глубоко. Здесь мертвец.

– Я... мертвецов не боюсь, не маленький.

Не слушая ее возражений, молодой человек прыгнул в воду и ушел по грудь.

– Жорж, что за ребячество!

Вскоре он протягивал ей желтый цветок с длинным стеблем.

– Держите. Это вам, Мари. От меня.

– Вы промокли. Вам надо пойти в дом и переодеться.

– На мне сейчас все высохнет. Лето, жара. Не гоните меня, Мари! Я просто хочу побыть рядом с вами. Сейчас мы вдвоем и нам никто не помешает.

Мария опустила глаза вниз, подавив вздох. Милый, славный Жорж! Она относится к нему как к другу. А он? Кажется, события принимают нежелательный оборот. Жорж! Чем-то

он напоминал добродушного большого пса, готового выполнить какой угодно каприз. Любую команду. Высокий, с широкими плечами, светловолосый. Полноватое круглое лицо с курносый носом, светлые усы...

– Как только мне сказали, Мария, что вы здесь, я сразу поспешил к вам... Я хотел вам сказать...

Девушка предпочла прервать этот поток слов, почувствовав опасность.

– Благодарю, Жорж. – И Мария шутя сделала книксен. – Я ценю ваше внимание. Рассказывайте, что нового. Я жду от вас разного рода новостей с нетерпением.

– Могу рассказать вам о замечательном событии, состоявшемся недавно. Память о нем до сих пор вызывает во мне трепет. Это спиритический сеанс.

– Да. Рассказывайте же, Жорж, не тяните, – нетерпеливо топнула она ногой. – Только смотрите, не упустите чего... Николай там был?

– Да. Он сейчас в доме. Придет позже.

– Жорж! Прошу вас. Говорит-е-е-е. – Мария смотрела на него восторженным взглядом. – Я сейчас умру от вашей медлительности.

– Приступаю... Сидим мы, значит, за столом...

– Владимир там тоже присутствовал?

– Нет, вашего брата не было. Как можно пустить в сей круг человека, который сразу заявил, что ежели какой дух его схватит, то он задаст ему жару. Мы все решили, что это может повредить нашему делу; нельзя приступать к вызыванию элементалов, если среди нас находится человек с такой грубой душевной организацией. Простите, Мари, что я вынужден так говорить о вашем брате, но это не клевета, а честная характеристика Владимира, который...

– Жорж, можете ничего мне не говорить далее, мой брат матерьялист, поэтому не верит в духов... Но кто там был еще?

– Наталья Борисовна.

– Она завтра приезжает, – быстро встала Мария.

– Потом еще Алексей Вошинский.

– Алексей Степанович? – Девушка нахмурилась.

– Да, он самый. Еще два человека, которых вы не знаете. Так вот, мы сели вокруг стола, собрались с мыслями, были сосредоточены, как приличествует моменту. И здесь возникли споры: чей дух вызывать. Кто-то хотел Александра Македонского, кто-то Наполеона. В какой-то момент мы поняли, что наше предприятие находится под угрозой срыва, потому что никак не могли прийти к единому мнению.

– И что же?

– Все решилось довольно банально. Наталья Борисовна предложила вызвать дух своей недавно умершей тетушки. Мол, она еще не до конца покинула нашу грешную землю и связаться с ней будет проще, чем с другими знаменитыми духами, которых, наверное, и так слишком часто беспокоят. Как странно, что мы все сразу при этих словах почувствовали облегчение. Мы поняли, что это лучший выход.

– Скажите, Жорж, а что вы ощущали? – перебила его Мария.

Он сделал шаг назад.

– Я боюсь сказать, Мари, я был охвачен самым настоящим неверием. Хотя нас предупреждали, что здесь главное – вера в то, что нам предстоит увидеть, и сомневаться в том никак нельзя. А иначе ничего не получится. Высокие духи не смогут вступить с нами в общение. А я... я смалодушничал... Хорошо, что мое состояние никто не заметил, и оно не повлияло на прошедший сеанс... Я не простил бы самому себе, если бы сорвал вечер.

– Жорж! Рассказывайте по порядку. Переходите к самому сеансу... Что там было? Я жду!

Мария подумала, что если бы вдруг ее мама услышала эти речи, то попеняла бы ей на вольность и дерзость тона. Ах, не так должна себя вести благовоспитанная молодая девушка.

Она должна опускать глаза долу, говорить тихо, не прерывать собеседника и уж ни в коем случае не показывать свое нетерпение и не топтать ногами.

– Я справился со своим состоянием и был готов ко встрече с неведомым. – Жорж сглотнул. – Я говорил самому себе, что надо быть открытым новому познанию... – Здесь он замолчал и устремил взгляд куда-то перед собой.

– Что же дальше? – Девушка слушала его жадно, не сводя с молодого человека глаз.

– Наталья Борисовна стала задавать вопросы... Я как будто бы ощутил дуновение ветерка. Меня тогда охватил настоящий страх. Я вдруг понял, что все это правда, что бедные души усопших ждут встречи с нами, они не покинули нашу грешную землю окончательно и хотят вступить с нами в контакт. Мы задавали вопросы, дух через Наталью Борисовну отвечал нам. Сначала ответы задерживались. Потом дело пошло быстрее. Те сообщения, которые нам передавались, были туманные, расплывчатые. Порой было непонятно, что хотел нам сказать дух усопшей женщины. Между прочим, она сказала страшную вещь, что скоро в одной семье случится несчастье. Представляете, – сказал Жорж, глядя на нее грустным взглядом. – Дух при этих словах словно всхлипнул...

– Боже! Как жаль, что меня там не было, ну почему! Почему? – Щеки у Мари горели от возбуждения. – Все самое интересное проходит мимо меня. Как несправедливо, что я сижу здесь и чахну.

– Вы чахнете? – сказал Жорж, чуть заикаясь. – Вы самая чудесная девушка из всех, кого я знаю... Я хотел вам сказать, я хотел вам сказать...

При этих словах Мария опустила глаза. Жорж придвинулся ближе к ней.

– Где вы тут спрятались? – раздался мужской голос совсем рядом.

– Николая! Мы здесь, – ответил Жорж с явной досадой...

– Я хотела вас еще спросить, но, видно, в другой раз.

– Мария! – воскликнул Жорж.

Перед ними возник Николай. Темноволосый, более худой по сравнению с Жоржем. Его взгляд перебежал с Марии на Жоржа.

– Я искал вас.

– Как видите, мы тут... – откликнулся Жорж.

– Георгий рассказал, как проходил спиритический сеанс. А что вы испытали, Николая?

– Я там уснул, мне все показалось забавным, но не более того. А проснулся от того, что кто-то наступил мне на ногу. Я открыл глаза и понял, что все закончилось. Может быть, повезет в другой раз...

У Марии в этот момент мелькнула одна мысль, но ее надо было хорошенько обдумать.

Она вскоре распрощалась с молодыми людьми и направилась к центральной аллее. Вот-вот должен был приехать дальний родственник по материнской родне – граф Алексей Степанович Вошинский. Она подумала, что у него она может узнать обо всем поподробнее. Он пользовался среди родни и знакомых определенной репутацией, хотя в чем она состояла, вряд ли кто мог сказать. О нем шла молва как о человеке ученом. В его доме хранилась превосходная библиотека, много книг было привезено из Парижа, где он прожил несколько лет. Чем он там занимался – никто не знал. Он никогда не был женат, хотя намекал на свой бурный роман с одной француженкой. Время от времени мать Марии говорила, что хорошо бы Алексею остепениться и жениться на какой-нибудь хорошей девушке, которая могла бы дать ему семейное счастье.

С некоторых пор между Вошинским и Марией образовалось нечто вроде дружеских отношений. Случилось это, когда Мария, приехав вместе с отцом и матерью в гости к Вошинскому, забрела в его библиотеку. Она ходила и трогала книги. Открыла наугад одну из них и стала читать:

«Существует три вида миров, а именно, элементарный, небесный и интеллектуальный. Каждый низший мир управляется своим высшим и получает его влияние. Архетип и Верховный Творец сообщает свойства своего всемогущества, открываясь нам в ангелах, небесах, звездах, элементах, в животных, растениях, металлах, камнях, сотворив все эти вещи, чтобы мы ими пользовались. Вот почему маги не без основания верят в то, что мы можем естественно проникать (познавать) по тем же ступеням и по каждому из этих миров до мира самого Архетипа...»

И здесь услышала позади себя голос:

– Как видите, это редкие и очень ценные книги...

– Вот бы почитать их.

Она посмотрела на обложку. Генрих Корнелий Агриппа, «Оккультная философия».

– Это сложное чтение, не для каждого ума...

– Вы находите меня глупенькой девушкой, – вспыхнула Мария.

– Отнюдь. Я могу вам давать почитать эти книги. Вот только... – Он запнулся. – Пусть это останется между нами. Об этом не должны знать ни ваша матушка, ни бабюшка. Да и другим знать не надобно. Там нет ничего неприличного, не беспокойтесь, Мари. Просто в этих книгах хранятся тайны, которые смущают ум. Не каждый может это выдержать. Вы меня понимаете?

Она наклонила голову. Отчего-то сердце билось часто-часто.

– Я никому не скажу, – сказала она внезапно севшим голосом.

– Очень хорошо. Возьмите тогда вот эту книгу...

И он протянул ей «Тайны природы и способы вызывания духов». Мария взяла книгу...

С тех пор Алексей Вощинский давал Марии почитать разные интересные издания, из которых она узнала немало любопытного. Она погружалась в тайны духовидения, загробного мира, узнавала, как много опасностей таится в простом ветре, который может приносить горе и печаль, в какое время дня лучше загадывать свои желания и многое другое. Разумеется, свои контакты они держали в тайне. Когда семья приезжала в гости к Вощинскому либо он приезжал к ним, он и Мария находили время уединиться ненадолго, обменяться кратким мнением о прочитанном, а Мария к тому же получить новую книгу.

Все это промелькнуло в голове Марии, когда она шла по центральной аллее. Неожиданно она услышала позади стук лошадиных копыт. Она обернулась. Это был Алексей Вощинский. Он остановил лошадь и спрыгнул на землю.

– Добрый день, Мари, – сказал он, слегка грассируя и устремляя на нее пронзительный взгляд черных глаз.

Она невольно поежилась. Ей всегда было неуютно от его взгляда. В этом она не хотела признаваться даже самой себе. Это означало расписаться в том, что она трусиха и боится непонятно чего. А она не считала себя одной из тех жалких, вечно хныкающих девиц, которые падают в обморок от любой опасности. Нет, она не такая. Мария тряхнула головой и посмотрела на Вощинского.

– Добрый день!

– Вы удивительно похорошели, – сказал дядюшка, понизив голос. – Я вижу перед собой прекрасную розу.

– И вы туда же, – сказала Мария, очаровательно оттопырив нижнюю губку. – Мне уже говорили этот комплимент. Я чувствую себя каким-то растением.

– Разве это плохо?

– Плохо! Я хочу заниматься настоящим серьезным делом.

– Каким же, например? – спросил Вощинский, пряча улыбку.

– Например, вызывать духов. Мне тут рассказывали о спиритическом сеансе, в котором вы также принимали участие.

– А... это...

– Да... – Ей хотелось топнуть ногой, но она сдержалась. – Мне так жаль, что меня там не было... Мне было бы все ужасно интересно!

– Это все не так просто, Мари. И очень опасно...

– Опасно? – Она невольно расширила глаза. – Правда?

– Сущая правда, Мари. – Он наклонился и поцеловал ей руку. – Но я знаю, что вы храбрая девушка и трудности вас не испугают. Поэтому я поддержу вас. Можете на меня рассчитывать.

Она захлопала в ладоши.

– Благодарю вас, Алексей Степанович.

Она услышала голоса Жоржа и Николая. Ее вдруг охватило озорство.

Когда они показались в поле ее зрения, она крикнула:

– Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать. Ищите, – и убежала вперед.

Потом она стояла в центре раскидистого куста и прислушивалась, слышны ли чьи-то шаги, или она так хорошо спряталась, что ее не найдут. И странная мысль промелькнула в голове: а если она в один прекрасный момент исчезнет, смогут ли ее отыскать или она растворится в пространстве без следа?

Глава третья. Пейзаж с призраками

Любой поступок в вашей жизни может показаться ничтожной малостью, и все равно крайне важно его совершить.
Махатма Ганди

Как странно, что раньше она избегала поездок в родовую усадьбу Анастасьевских. То ли просто не хотела думать о той страшной истории, то ли действовал негласный запрет бабки и ее слова, что это – опасное место. Но факт остается фактом: Серафима там была один раз и проездом. Сейчас она решила поехать туда и посмотреть на могилу; сверить даты жизни и смерти. И вообще мысль Лины о том, что у них в Италии может быть родня, не давала Серафиме покоя. Если Мария Анастасьевская была убита, то... могила в Италии просто совпадение. А если... Серафима решила поехать и разобраться во всем на месте. Она решила никому не говорить об этой поездке, сохранить ее в тайне, пока не выявит нужные ей факты. Если она скажет об этом Лине, та может увязаться за ней, попросить взять ее с собой, а Серафима не могла этого сделать. Лину лучше пока ни во что не посвящать.

На электричке лучше было поехать с утра. Потом – маршруткой или брать попутку. На какой срок она едет? Серафима задумалась. Что не на день, это точно, но брать чемодан не хочется. Лучше спортивную сумку, все покидать туда; самое необходимое, всякую мелочь типа зубной пасты, шампуня или мыла она докупит на месте. В этом проблемы нет.

Серафима посмотрела расписание в интернете, купила билет и легла пораньше спать, поставив часы на шесть утра.

Все-таки она чуть не проспала. Ей снился тяжелый сон: как будто бы она в лесу, куда не доходят лучи солнца... вдруг она бежит через этот лес, спотыкается, падает, встает и снова бежит. Потом кто-то вцепился в ногу, она снова упала и закричала. На этом Серафима проснулась.

День обещал быть жарким. Она положила в рюкзак кофту, куртку, надела джинсы, с неудовольствием отметила, что они немного жмут. Как бы сесть на диету, подумала женщина, и отказаться от вечерних булочек с шоколадом. Напоследок она провела расческой по волосам и, хлопнув дверью, вышла из квартиры.

Добралась она быстро, половину дороги дремала. Выйдя на площадь перед вокзалом, села в маршрутку и решила доехать до центра города, а там уже думать, что делать дальше.

Кафешка с названием «Лучше, чем дома» стояла на небольшом пригорке. Она была выдержана в русском стиле – двухэтажная изба, перед дверью скульптура, изображающая медведя, вставшего на задние лапы.

– «Памятник медведю», – прочитала она вслух.

Женщина неопределенного возраста: ей можно было дать как пятьдесят, так и шестьдесят лет, стояла за стойкой. Она окинула Серафиму цепким взглядом.

– Приезжая? – спросила она.

Серафима кивнула.

– Сразу видно.

– Почему?

– Слишком холеная... такие здесь не ходят.

Серафима посмотрела на свои руки без маникюра, джинсы не новые, блузка – тоже.

– Да уж!

– Не парься. Мне твоя внешность, собственно говоря, ни к чему. Есть будешь?

– Я за тем сюда и пришла.

– Вот и прекрасно, располагайся. Меню я тебе принесу. Кстати, меня зовут Жанна. А тебя?

– Серафима.

– Так мою учительницу звали. Еда у нас свежая, вкусная, замечаний никогда не было.

Серафима села за столик, откуда открывался вид на реку, сверкавшую под лучами солнца. Поставила сумку на свободный соседний стул.

– Места у нас красивые, люди замечательные. А у вас в Москве злые-презлые... Все спешат куда-то, толкаются. Спросишь о чем, только рукой махнут, бегут дальше или даже наушники из ушей не вынимают. В упор тебя не видят. Разве это правильно?

– Почему вы решили, что я из Москвы?

– Я уже здесь ясновидящей заделалась... – пробормотала Жанна. – Поживешь с мое, так людей насквозь видеть станешь. Глаз сноровку приобретает. Сразу понимаешь – кто, что... Откуда. По косвенным признакам вычисляешь. А о большем не спрашивай. Сама порой не знаю, откуда что берется...

Серафима взяла в руки меню, принесенное Жанной. В нем значилось два вида первого: борщ и гороховый суп. На второе – макароны по-флотски, картофельное пюре с котлетой, гречка с рыбой.

– Какой суп порекомендуете?

– Гороховый! Сама готовила. От души. Сейчас мало кто готовит настоящий гороховый суп, там весь секрет в правильной грудинке. Она должна быть в меру копченая...

– Ладно – гороховый и макароны по-флотски.

– На третье что? Компот? Кисель? Кофе-чай?

– Кисель.

– Через пять минут все принесу. Разогрею только...

Серафима задумалась... Надо бы спросить у Жанны, где ей лучше остановиться. Наверняка та в курсе, какие здешние гостиницы лучшие. Серафиме не хотелось селиться в первую попавшуюся... Кто знает, каких сюрпризов там можно ожидать.

Жанна выросла перед ней с подносом.

– Вот. Все, что заказывала.

Когда женщина ловко расставила блюда на столе, Серафима спросила:

– Какую гостиницу порекомендуете? Чтобы по цене была нормальной и по качеству. Желательно поближе к центру, не на окраине.

– Зачем гостиница? – сразу откликнулась та. – Останавливайся у меня. Комната хорошая. В центре города. Возьму недорого. Восемьсот в сутки. Еще тысячу добавишь – будут завтрак-обед-ужин. Все вкусное, качественное.

– Обеды мне будут лишние. А вот завтрак с ужином...

– Полторы в сутки. По рукам?

– Договорились.

– Ешь. А потом пойдем ко мне домой. Я тебе все покажу.

Серафима подумала, что ей нужно иметь под рукой человека, который знает город. Может свести с людьми... Конечно, с точки зрения комфорта гостиница лучше, но здесь уж не приходится выбирать. Ей ведь в данной ситуации не комфорт нужен...

Жанна кому-то позвонила, пришла ее напарница – высокая рыжая женщина с нахмуренным лицом, а Серафима с Жанной выдвинулись из кафе и направились вниз...

Жанна по пути разговаривала. Серафима узнала, что город старый, но толку жителям от этого никакого нет. Мэр ремонт делает, но этого недостаточно, чтоб сделать из города туристический центр регионального значения. Молодежи в городе мало... многие уехали на заработки в другие города. Перспектив никаких. В советское время была ткацкая фабрика, еще несколько предприятий, сейчас ничего нет. Как выживаем – сами не знаем...

Дом, в котором жила Жанна, находился в центре города и был четырехэтажным, бледно-голубым.

– Покрасили недавно, – шмыгнула носом Жанна. – А до этого облупленный весь был. Штукатурка сыпалась прямо на голову. Сейчас хотя бы вид приличный... Не зря нового мэра выбрали. Старается. Правда, на первых порах они все обещают золотые горы. А потом сдуваются, больше о своем кармане начинают думать, чем о городе... Но мы уже к этому привычные...

Квартира Жанны была на последнем, четвертом этаже.

– У меня всего две комнатки. Чистенькие, хорошие... поменьше тебе даю. Она поуютнее.

Войдя в комнату, Серафима остановилась на пороге: она как будто попала на машине времени в комнату своей бабушки: мебель из семидесятых-восемидесятых годов, на окне герань, кружевные занавески... На полу – домотканый коврик.

– Нравится? Ты на сколько сюда приехала?

– Пока не знаю.

– Как так? – вскинулась собеседница. – Дело какое привело сюда?

– Можно сказать и так.

Серафима подошла к окну ближе. Перед ней густо зеленели за оградой деревья.

– Это что? Парк?

– Кладбище. Оно у нас старое, поэтому в центре города. Небольшое... Есть совсем старые могилы прошлого века. Потом хоронить на нем запретили. Земля дорогая, как в любом центре города...

Серафима бессильно опустила на стул у окна и подумала, что это знак судьбы.

Выпив чаю, она решила пойти на кладбище, навестить могилу своей родственницы. Жанне она сказала, что придет к вечеру, но когда точно, не знает.

Кладбище было обнесено старинной оградой. Пройдя в ворота, Серафима остановилась. Она не знала, куда идти и где искать эту могилу. Она была здесь лет десять назад, уже плохо помнила, как ее найти...

Серафима пошла по центральной аллее. Справа и слева были грубые мраморные кресты и могильные плиты. Кажется, здесь, нет, теперь – направо. Она свернула направо, но поняла, что уперлась в тупик. Нет, лучше налево...

Нужную ей могилу она нашла в старой части кладбища, предварительно какое-то время поплутав по дорожкам. Наконец, она оказалась перед могилой, на которой высилась фигура ангела, изображенного в виде молодой прекрасной девушки, приложившей палец ко рту... призывая молчать.

Подойдя ближе, она с огорчением увидела, что одно из крыльев ангела отбито. Неужели мальчишки хулиганили, подумала она. Какой ужас...

– Ну, здравствуй, – негромко сказала она, – Мария...

Мария Анастасьевская была сказочно красива, как говорила легенда, в образе ангела ее и увековечил скульптор...

Умерла она в результате злодейского нападения... Это была страшная история, ее изуверчили, тело сбросили в реку. В убийстве признался слуга, он отсидел пять лет на каторге и умер.

Мария умерла, когда ей было восемнадцать лет. В самом расцвете своей красоты... Какая судьба! Цвести бы и цвести, радовать всех, выйти замуж, родить детей. Быть украшением счастливого семейства...

Еще неподалеку была фамильная усадьба... Надо бы туда сходить... Но чуть попозже...

Уходя, она столкнулась с еще не старой женщиной. Та шла, раскачиваясь, как пьяная, и что-то бормотала про себя. На голове ее была шляпа ярко-зеленого цвета. В наступающих сумерках шляпа выглядела как отдельное, бросающееся в глаза пятно. Она едва не задела Серафиму плечом, та отступила вправо, пропуская женщину. От нее пахло алкоголем. Серафима

не удержалась и обернулась, когда отошла от ворот кладбища на несколько шагов. Женщина взмахнула руками, Серафиме показалось, что та сейчас рухнет. Она бросилась к ней.

– Вам плохо? Помочь? – спросила она.

Незнакомка подняла на Серафиму глаза – ярко-голубые, а на лице была скорбь. Пахло алкоголем и сыростью, как будто женщина долгое время находилась в подвале.

– Ид-дите мимо! Мне уже никто не поможет, – сказала она, заикаясь. – Идите! – и махнула рукой, как бы отгоняя ее.

– Простите. – Серафима отвела глаза в сторону.

Но та ничего не ответила и шатающейся походкой пошла в глубь кладбища...

Серафима зашла в продуктовый магазин напротив кладбища – купить бутылку воды. Хотелось пить. Взяла минералку, стаканчик и села на скамейку под деревом. Минут через десять она увидела, как та самая женщина в шляпе, с которой она столкнулась при выходе с кладбища, направилась в магазин, а вскоре вышла с сумкой, в которой позвякивали бутылки. Женщина опустилась на скамейку рядом с Серафимой. Ее била дрожь.

– Что с вами?

– Ничего, – пробормотала она.

Встав со скамейки, пошатнулась.

– Давайте я помогу вам дойти до дома, – предложила Серафима.

– К-как хотите.

Серафима взяла женщину под руку. Она шла тяжело. Медленно. Серафима пыталась разговаривать женщину, но та или не отвечала на вопросы, или что-то невнятно бормотала. Серафима довела ее до двери квартиры и только потом сообразила, что даже не спросила, как зовут странную незнакомку.

Вечером Жанна с Серафимой сидели в небольшой уютной кухне и ели сырники с вареньем.

– Ну как прогулка по городу?

– Я прошлась немного. У кладбища (Серафима не стала говорить, что ходила туда) видела женщину в ярко-зеленой шляпе. По-моему, она была пьяна. Размахивала руками, бормотала... Шла на кладбище в то время, когда уже начало темнеть... Что она там собиралась делать? Потом я сидела у магазина на скамейке и видела, как эта женщина, выйдя за ворота кладбища, направилась в магазин. Отоварилась там спиртным. Выглядела она больной, шаталась, я предложила ей свою помощь и довела до дома. Кто это?

– Это Людмила Розова, у нее дочь погибла больше года назад. После этого она на могилу дочери стала регулярно ходить. Чуть ли не каждый день. Мы все жалеем ее. Но сделать ничего не можем. Да и что тут можно сделать? Чем помочь?

– А что случилось с девочкой?

Жанна посмотрела в окно.

– Никто не знает, что там произошло, толком. История темная, непонятная.

Алена, так звали ее дочь, была активной девочкой, отличницей в школе, собралась поступать в институт на исторический факультет либо в областной, либо в Москву. Там какие-то родственники у них проживают. Так вот... Алена очень историю любила, увлекалась этим, как его... Ну, которые все восстанавливают, как по книжке?

– Реконструктары?

– Вот-вот... Они самые... Играла в эти самые игры в усадьбе, которая у нас на окраине города.

– В усадьбе? – вздрогнула Серафима.

– Да. У нас тут красивая усадьба есть. Правда, разрушается стремительно. Прямо на глазах. Денег на ее восстановление нет. Мэр города так и сказал. Денег не ждите.

– Что там было?

– А что? Девочка увлеклась, разные исторические сценки разыгрывала... ну, представление там...

– Одна?

– Нет. Она кружок в классе организовала. Она даже на каком-то историческом слете показывали эти сценки. А то если не найти спонсора или инвестора, то все, конец прекрасному зданию. Как она сказала, история рушится на наших глазах. Это потом в местной газете напечатали. Фотографию и интервью с ней. Старый мэр еще хотел что-то сделать. А новый мэр молодой... собирается усадьбу снести и там свой завод построить. Хотя все свои действия прикрывает красивыми словами и заботой о населении. Старый мэр словами такими высокими не разбрасывался, но страху больше наводил.

– Чем же?

Здесь Жанна понизила голос почти до шепота, хотя их никто услышать не мог.

– А он был из этих самых, кругов криминальных. Еще с девяностых след тянулся... Еще в то время, когда Союз рушиться стал, те, кто попроворнее был да понаглее, сразу стали все прихватывать. Много партийных там было да криминал сложившийся. Так вот старого мэра все боялись по-настоящему. Все у него схвачено было. Все дрожали перед ним. Суровый мужик был.

– Был? Значит, умер...

– Жив он, но все равно что умер... – покачала головой Жанна. – Если бы не смерть дочери, которая утонула год назад... то правил бы нашим городом еще долго. А так вмиг стариком дряхлым стал. Еще недавно орлом был, а потом сдал моментально. Поседел окончательно и подрыхлел.

– Отчего она утонула?

– Да кто же знает? Гуляла вечером и утонула. Поскользнулась, видимо. Темно было...

– А где он сейчас?

– Кто?

– Старый мэр.

– За городом он живет. Не живет, а доживает свои дни. Жена умерла почти сразу после смерти дочери. Не выдержало сердце. А Виктор Борцов, перед которым весь город трепетал, теперь обычный пенсионер... Правда, с ним по-прежнему никто не связывается. Дорогу не переходит... Силы уже не те, а страх остался, вьелся, что называется, в печенки.

– А что с Аленой Розовой случилось?.. – вернулась к прошлой теме разговора Серафима.

– Алена... – Жанна посмотрела в окно, потом перевела взгляд на Серафиму... – Нашли тело Алены на территории этой самой усадьбы. Отправилась она туда ночью. Там стукнули ее по голове чем-то тяжелым. Тело обнаружили через два дня. Искали с собаками и нашли. Мать с тех пор ходит на кладбище постоянно, не выдержала горя, свихнулась потихоньку. Мы все не сразу заметили. А когда спохватились – поздно уже было. Да что тут можно сделать? Лежала она какое-то время в психушке. Потом вышла. Теперь в психушке долго не держат. Человек она тихий, мирный, на прохожих не кидается... Ходит она с этой болью в себе. Как зыркнет порой, так словно по сердцу ножом. Взгляд такой... как с того света...

– Зачем Алена ночью туда отправилась?

– А кто его знает.

– Страшная история! Нашли, кто это сделал?

– Нет. Ходили – опрашивали, а потом дело закрыли. Только матери никто ребенка не вернет, даже если бы нашли убийцу.

– Но справедливость требует...

– Что об этом говорить... Где она, эта справедливость?

Серафима колебалась: рассказывать о том, что она имеет отношение к этой усадьбе или нет? Немного поразмыслив, решила не говорить...

- А завтра что будешь делать? – спросила Жанна.
- Посмотрю, – уклончиво ответила Сима. Вдаваться в подробности ей не хотелось.
- Завтрак во сколько подать?
- Думаю, что проснусь в девять.
- Хорошо. Я с восьми завтра на ногах. Выходной на работе.

Перед сном Серафима не удержалась – выглянула в окно. Ей были видны верхушки деревьев на кладбище; когда она пригляделась, ей показалось, что снизу идет слабый свет. Она вздрогнула и отошла от окна... Две смерти... дочери старого мэра, которая утонула в реке, и Алены Розовой... Одна погибла в усадьбе, другая неподалеку от нее. Связаны ли эти смерти между собой? Или это все плод ее разыгравшегося воображения? Кто знает...

Серафима легла в постель. Пока погружалась в сон, перед ней всплыло лицо женщины в зеленой шляпе... измученный взгляд человека, у которого отняли смысл жизни, то, ради чего она жила.

На другое утро Серафима съела завтрак – яичницу с колбасой и помидорами. Жанна была хорошей поварихой, готовила вкусно. После еды Серафима выпила кофе.

- Муж есть? – спросила Жанна.
- От такого вопроса Серафима опешила.
- Нет.
- Замужем не была?
- Ей стало немного смешно.

- Не была.
- Жаль. Женщина ты интересная...
- Жалеть меня не стоит, разговоры на эту тему я не люблю, – резко сказала Серафима.

Она и правда не любила такие разговоры, быстро старалась оборвать их или сменить тему. Для нее это все было слишком бабским. А потом... разве это не ее выбор? Не бросаться на первого встречного, а ждать... Чего? – спросил ее внутренний голос. У моря погоды? Принца на белом коне? Разве это разумно... ждать?

Она тряхнула головой и сердито посмотрела на Жанну. Та пошла на попятную.

– Я понимаю. Ты извини, но я спросила не просто так. У нас тут один мужик есть холостой. Хороший... На все руки мастер. Могли бы познакомиться.

Ну вот, Серафима, дожила, тебе уже жениха сватают. На все руки...

– Ой-ой-ой. Не стоит... Давайте вообще закроем эту тему...

– Как хочешь, если вдруг...

– Непременно обращай, – улыбнулась Серафима.

– Ладно, я пошла, меня напарница вызвала. Какое-то ЧП там. Воду вроде отключили. Вот тебе запасной комплект ключей. – Жанна положила на стол перед Серафимой связку. – Этот от верхнего замка. Этот – от нижнего. Обедать не будешь?

– Не знаю. Скорее всего – нет. Буду в городе.

– Если надумаешь обедать в городе, то советую пойти либо к нам, либо в кафе «Ромовая баба». Оно в другой части города, приличное заведение. А в столовку «Веселый жених» не ходи. Они наши конкуренты.

– К конкурентам не пойду, – пообещала Серафима.

– Еда у них паршивая. Кроме того, они всякие гадости про нас говорят. А мы что, должны им клиентов поставлять?

Жанна ушла. А Серафима задумалась.

Она вернулась в комнату. Достала блокнот и набросала план действий.

Первым делом надо было пойти в архив и взять подшивку газет. За тот давний период – 60-е годы XIX века, посмотреть фото и материалы. Для этого нужно узнать адрес архива. Напи-

сав в блокноте: узнать адрес архива, Серафима поставила вопросительный знак. Можно было спросить насчет архива у Жанны, но Серафима не собиралась пока посвящать ее в свои дела... Ни к чему это. Особенно раньше времени... Придется выяснять самой. Впрочем, для этих дел есть интернет. Серафима вбила в строку поиска запрос «городской архив» и сразу получила адрес: улица Луначарского, дом 19.

Она открыла карту города, чтобы построить маршрут до архива. Нужная улица находилась недалеко от дома, где она жила сейчас.

Она подумала, что нужно еще выпить чашку кофе и отправиться туда. Там поговорить со специалистами, попросить газеты того периода.

Погода была прекрасная... За окном шумело раскидистое дерево... Каково это – жить в комнате с видом на кладбище. Не день-два. А все время... От размышлений ее оторвал звонок мобильного. Она посмотрела на дисплей. Гриша Крайман!

– Привет! – Голос друга был невеселым.

– Привет-привет! – откликнулась она.

– Как жизнь? Хотел тебя пригласить на кружку пива в «Кружку». Такой вот каламбур!

– Опоздал.

– В смысле? Кто-то другой нарисовался на горизонте? Когда это я проморгал? Не успеешь отвернуться – твою девушку уже уведут.

– Что значит – «нарисовался»? Я девушка свободная...

– Знаем... Знаем...

Здесь Серафима вспомнила один эпизод, который случился как-то под Новый год. Гриша пришел к ней домой без предупреждения. Она не планировала вообще встречать Новый год, хотела пораньше лечь спать. А тут – Гриша. Просто так не выставишь за дверь. Все-таки неудобно... Что делать? А быть с ним она не хотела. Он стоял на пороге, она смотрела на него. Потом решила, что они могут посидеть часок и разбежаться... Она отошла в сторону, приглашая его войти... Гриша вошел, и тут она увидела, что он пьян. Хотя старается изо всех сил скрыть это. Он смотрел на нее жалобным умоляющим взглядом. Потом вдруг бросился к ней и стал целовать как сумасшедший. Она отстранила его и сказала, что сейчас вызовет ему такси, его доставят до дома и пусть ни о чем не беспокоится. Но все же Серафима решила не рисковать и оставила Гришу у себя. Он мгновенно уснул на диване в кухне, а она всю ночь не спала... Наутро он заявил, что почти ничего не помнит. Он сделал вид, что этой сцены не было, и благополучно забыл о ней... но нет-нет, да какая-то искра в его глазах говорила о том, что он все помнит, но тут же усилием воли эта искра гасилась, и Гриша возвращался к ровному дружескому тону...

Сейчас она этот эпизод вспомнила.

В трубке висело странное молчание.

– Гриш! Ау! Ты здесь?

– Туточки и тамочки, – откликнулся тот. – Так что с приглашением?

– Я вообще-то, Гриш, в другом городе...

– Где? Где ты находишься? – разразился вопросами ее собеседник. – Куда тебя занесло? Какими ветрами? Любовный роман?

– У тебя на этой почве, похоже, бзик – нет, не роман. А дела...

– Даже интересно... – протянул он на том конце провода. – Колись – где ты?

– Не подумаю. Ладно, Гриш! Пока... Скоро позвоню. – Прежде чем он успел что-либо ответить, повесила трубку.

Теперь – в архив...

Глава четвертая. Первое знакомство с прошлым

Машина времени есть у каждого из нас: то, что переносит в прошлое – воспоминания; то, что уносит в будущее – мечты.
Герберт Уэллс. Машина времени

Архив располагался в старинном здании. Каменные ступеньки были выщерблены, на боковой стене осыпалась штукатурка. Судя по внешнему виду, ремонта давно не было, и здание постепенно приходило в упадок.

Справа от ступенек, прямо в пыли, развалился тощий рыже-черный пес.

На Серафиму он не обратил никакого внимания. «Хорош защитничек, – пробормотала она. – А если сюда бандит нагрянет?» Как бы услышав ее слова, пес широко зевнул, продемонстрировав розовый язык. Потянув тугую дверь на себя, Серафима оказалась в просторном вестибюле.

– Вы куда? – раздался женский голос. За стеклом сидела охрана – худощавая седая женщина, она сурово смотрела на Серафиму.

– Я к заведующей архива.

– Она в отпуске. Есть ее зам. Вероника Николаевна. А вы по какому вопросу?

– По личному.

– Записывались заранее? У нас порядок такой.

– Нет.

– Тогда нельзя.

– Я из Москвы приехала. В такую даль... Что же мне, обратно ехать? Я думала, что на месте все решу...

С минуту-другую женщина колебалась.

– Ладно. Проходите, вторая дверь справа. Прямо на первом этаже. Все же надо было заранее договориться, – проворчала она. – Правила есть правила.

– Спасибо.

Вероника Николаевна оказалась женщиной лет двадцати семи с гладкими черными волосами, собранными на затылке в узел. Когда Серафима вошла в кабинет, предварительно постучавшись, та разговаривала по телефону. Увидев незнакомого человека, хозяйка кабинета сдвинула брови, но все же кивнула на стул...

Серафима села на высокий стул с изогнутой спинкой и огляделась. На подоконнике в белых горшках росли цветы, а в углу приютился маленький аквариум, где плавала одинокая ярко-красная рыбка. На стене висела карта края, рядом – портрет бородатого мужчины.

Закончив разговаривать, Вероника Николаевна повернулась к Серафиме.

– Слушаю вас. У вас ко мне какое-то дело? Вы из краевой инспекции?

– Нет.

– Записывались на прием?

– Нет. Я по одному вопросу. Приехала из Москвы.

– Тогда говорите. Сейчас только поставлю чайник... Вы чай будете?

– Не откажусь. Спасибо. Я по образованию историк, – солгала Серафима.

– Коллега, значит, очень приятно.

– Я хотела бы найти материалы о владельцах усадьбы Воронихино. Какие-нибудь архивы. Газетные вырезки...

– Воронихино... – задумчиво протянула Вероника Николаевна. – Наша местная достопримечательность. Да... Усадьба у нас правда разрушается. Местные власти из года в год обещают ее отреставрировать, но воз и ныне там... А жаль. Прекрасная архитектура. Если бы ее

привести в порядок, можно было бы туризм развивать. Места у нас красивые. Но, как везде, хромает инфраструктура... Хотя, если с умом взяться за дело... Впрочем, это к вам уже не относится. – Усольцева замолчала, дотронулась до сережки, словно проверяя: на месте ли она. – Значит, вам нужно все, что относится к усадьбе...

– Да. Там такая зловещая история произошла когда-то...

Вероника Николаевна устремила на нее взгляд темных глаз.

– Да... история...

– Смерть молодой девушки...

– Это стало уже частью городских легенд... Знаете, в каждом городе есть свои легенды, которые передаются из поколения в поколение.

– Ничего себе легенда, если это самая настоящая быль...

– Никто же не знает, что там случилось на самом деле. Тело не нашли. Хотя свидетель видел ее мертвой... Там интересная история на самом деле была. Я, когда училась на историческом, покопалась в этом немного. Думала по научной стезе пойти в дальнейшем, но не получилось... Ученого из меня не вышло... – В голосе Усольцевой прозвучало неприкрытое сожаление. Она замолчала. Чайник тоненько свистнул и выключился.

– Вам зеленый или черный?

– Черный.

Вскоре перед Серафимой стояли чашка с чаем, сахарница, блюдечко с конфетами.

– А что вам конкретно нужно?

– Ну, все... хотелось бы посмотреть все, что есть.

– В газете где-то было, сохранилась фотография... Качество, конечно, не очень в то время было. Надо поискать. Вам сейчас или завтра?

– Лучше не откладывать...

– Ну тогда пойдемте, спустимся в архив...

– У вас вроде еще несчастный случай был больше года назад.

– Алена Розова. Для нашего города это была трагедия. Кстати, на эту землю наш местный олигарх претендует. Теперь он мэром стал. Ему надо комбинат расширить... А дети вроде ненужный интерес к месту привлекали. Одно время на него даже думали.

– Вот как!

Чай был допит. Вероника закрыла кабинет на ключ и пошла впереди Серафимы, цокая каблучками. Она была ниже ее сантиметров на пять. Войдя в зал для работы, она сказала Серафиме, чтобы та ждала ее здесь. Она скоро вернется...

В зале никого не было. Луч солнца падал на стол, у которого остановилась Серафима, она провела ладонью по нему. Он был теплым. Серафима подошла к окну... По улице ехали машины. На углу у магазина с вывеской «Продукты» увлеченно разговаривали две женщины.

Вероника вернулась с озабоченным видом.

– В архивном деле, в котором хранятся материалы, связанные с Вороникино, не хватает одной рукописи. Ничего не понимаю. Куда делась. У нас правда бардак в подвале, где архив хранится... – Она растерянно посмотрела на Серафиму.

– Как это может быть?

– Сама не знаю. Слушайте... вы сейчас очень заняты?

– Нет. Свободна.

– Хотите, я вас проведу туда... в усадьбу, вернее, в то, что от нее осталось. Не против?

– Ничуть. Я вам даже благодарна. Я сама хотела сходить, а тут вы предложили.

– Тогда давайте сделаем так... Вы пока поработайте в зале, куда я вас проведу и выдам те материалы, которые у нас есть. Через два часа я освобожусь, и тогда мы поедем в Вороникино. Идет?

– Хорошо, – кивнула Серафима. – Такой вариант мне подходит.

Вероника провела ее в небольшой зал, выдала папку с документами и ушла. Два часа пролетели быстро. Ничего интересного в документах не было: несколько копий старых газет, подшивка газетных статей советского периода, рукописный очерк краеведа, копия письма с призывом восстановить усадьбу, подписанного местными активистами. И все... Не густо... О какой пропавшей рукописи говорила Вероника?

Серафима задумалась. В зал заглянула Усольцева.

– Я освободилась. Можете подождать меня на улице. Только покормлю Наполеона, сделаю пару звонков. И все.

– Кто это? Наполеон?

– Рыбка, – рассмеялась Вероника. – Прожорливая и забавная.

На улице, в пыли, по-прежнему лежал пес. Он спал, ни на что не реагируя. Серафима отошла под дерево и тут же резко обернулась, ей почему-то показалось, что кто-то смотрит ей в спину. Ощущение не из приятных. Но никого не было...

На машине Вероники они доехали до окраины города. Справа и слева тянулись серые пятиэтажки.

– Район называется «Гнилорыбье». В просторечии, конечно. На карте такое название не значится.

– Рыбный завод был?

– Не-а. Когда-то тут пруд находился, потом его засыпали. Перед тем как засыпали, рыба сталадохнуть, как будто бы знала что-то. Животные обычно все тонко чувствуют не в пример людям. Запах стоял, когда рыба подышала... Отсюда название появилось и сразу на всю близлежащую местность распространилось. Теперь у нас в городе этот район только так и кличут.

Машину Вероника припарковала рядом с детской площадкой.

– Далее пешком. Тут правда недалеко. – Она критически осмотрела Серафиму. – Надо было кроссовки обуть.

– Взяла с собой. Но не подумала, что понадобятся сегодня. Так бы, конечно, надела их.

– Никто не знает, что когда понадобится...

– Это точно!

Вероника достала из сумки бутылку воды.

– Хочешь? У меня стаканчики есть. Кстати, давай на «ты». К чему нам церемонии разводить? Не бабки же мы старые...

– Принято.

Вероника разлила воду по пластмассовым стаканам. После они вышли из машины и направились вперед – по дорожке между домами.

За строениями шла глиняная яма, недалеко тянулся полосой лес. Вероника объяснила, что нужно добраться до этого леса, потом повернуть вправо. Пройти лугом; а там уже будет Воронихино...

– Когда-то я любила прогуляться там... Романтическое место. Усадьба еще целой была. Сейчас, конечно, разрушается, к сожалению, быстрыми темпами... И никому до этого дела нет.

На лугу цвел клевер и колосились зеленые метелки. Кое-где порхали бабочки, слетаясь на цветы. Потом снова поднимались вверх и кружились над травами...

– Искупаться бы, – сказала Серафима... – жарко. В такую погоду без воды испечешься сразу.

– Можно завтра взять купальник, сходить искупаться. Или сегодня вечером... Как ты?

– Можно... особых дел нет.

Чем ближе они подходили к месту, где находилась усадьба, тем сильнее стучало сердце у Серафимы... Вероника тоже посерьезнела. На лбу Вероники выступили капельки пота. То

ли от жары, то ли от волнения. Пройдя луг, они свернули направо, через несколько метров оказались перед полуразрушенной усадьбой.

– Вот, – почему-то шепотом сказала Вероника, – это она...

Серафима остановилась. Вспомнились слова бабки: «Гиблое это место. Лучше туда никогда не ездить».

– Но почему? – спросила она вслух.

– Что? – Вероника остановилась.

– Это я так, – спохватилась Серафима.

Усадьба разрушалась. Это было видно сразу. Со здания облетела штукатурка, правая сторона почти обрушилась. В середине были стены и земля. Пола уже не было.

Серафима закрыла глаза, пытаясь представить, как все здесь выглядело когда-то.

*– А на том берегу
Коза-дереза.
Пустые глаза...
Я тот клад стерегу.
Не могу – убегу.
А потом вновь приду
И с собой заберу...
Если встанут – убью,
Не вставай – я молю...*

вспомнилась присказка бабки. Серафима тряхнула головой, прогоняя наваждение.

– Не случайно сюда все бегают, – задумчиво сказала Усольцева.

Они заглянули внутрь: на красной стене была нарисована черной краской звезда, под ней – странный знак.

– Мальчишки хулиганят... – обронила Вероника, – забираются сюда. Курят. Что-то похуже делают. – Она кивнула на небольшой потушенный костер. – Говорят, тут даже кошек жгут. Притягивает это место как магнит всех чудаков, садистов, фриков. Даже из других населенных пунктов одно время сюда приезжали. Разгоняли эти сборища с помощью полиции. А также всяких маленьких уродцев сюда тянет.

– Почему маленьких?

Но Вероника ничего не ответила...

– А что насчет бывших владельцев усадьбы?

– После Октябрьской революции все уехали. Когда-то был тут детский сад. После – трудовая коммуна. Потом все стало никому не нужно. Сейчас эту землю хочет купить Мосолов Сергей Аркадьевич. Наш местный олигарх. Недавно мэром стал. Эта усадьба ему, конечно, ни к чему. Он все разрушит, сделает по-своему... Ему земля эта нужна. А усадьба только мешает большим планам. Как бельмо на глазу.

– Прошлое уходит.

– Не всегда, – загадочно сказала Вероника. – Ну что? В обратный путь...

По дороге в Гнилорыбье, где оставила свою машину Вероника, они шли в молчании, потом Вероника подбросила Серафиму до магазина недалеко от дома, где та сейчас жила; обменявшись телефонами, они договорились через три часа встретиться у здания архива и пойти на речку.

Дома Серафиму ждала Жанна.

– По делам ходила?

– Да.

– И как?

Было видно, что Жанну томит любопытство...

– Была в архиве. Познакомилась с Вероникой Усольцевой, заместителем директора...

Серафима решила, что скрывать свои «движения» ей особого смысла нет. Рано или поздно все раскроется, как это бывает в небольших провинциальных городах. Кто-то кому-то непременно проболтается; пойдет волна разговоров, слухов. Ей нужен человек, который знает ситуацию изнутри... Жанна из таких...

– С Вероникой-то? – В глазах Серафиминой собеседницы вспыхнул странный огонек. – Она девочка хорошая, но маленько шепутная. С головкой не дружит.

Из рассказа Жанны Серафима узнала, что у Вероники Усольцевой когда-то был роман с нынешним олигархом Мосоловым, ставшим недавно мэром. А мамаша его посчитала, что безродная Вероника ее сыну не ровня. Сделала все, чтобы расстроить намечавшийся брак. Любовь между двумя молодыми людьми была серьезная, поэтому Сергея послали учиться в Лондон. Мамаша его Элеонора Степановна была из бывших партийцев. А потом заделалась бизнесменом. А еще второй раз удачно вышла за богатого человека, который правда внезапно помер. Но все денежки успел Элеоноре оставить. Поэтому практически весь бизнес в городе эта семейка имеет. Мамаша, как жабенка, сына в кулаке держит... Правда, он недавно женился, остепенился... Родился ребенок... А Вероника так и осталась вековухой. Было время, она уехала в Москву, правда, вскоре вернулась... Работает в архиве. Тетка пристроила по знакомству... Года три назад она взяла шефство над одним мальчишкой, после того как у него умерла мать. Тот совсем малец свихнутый. Курит. Пьет. Хотя пятнадцать лет всего.

Услышав все это, Серафима задумалась... Что же, судьба бывает с людьми жестока – тут уж ничего не поделаешь!..

Серафима поела. Немного вздремнула. Потом проснулась от звонка будильника: перед тем как подремать – завела мобильный на определенное время. Жанне она сказала, что уходит, а когда придет – не знает.

– Ужин будет на столе, – сказала Жанна. – Если уж совсем придеешь поздно.

Чувствовалось, что ей хотелось расспросить Серафиму, что и как, но все же она промолчала.

Веронику Серафима увидела издали – та стояла у архива и вертела головой.

– Привет!

– Привет!

– Купальник надела?

– Естественно.

– Пройдем пешком. Река тут недалеко... Я места знаю...

Вскоре они вышли к реке.

Раздевшись, Серафима нырнула в воду. Вероника плыла рядом по-собачьи, подгребая руками.

– Ты где остановилась?

– У одной вашей местной жительницы. Жанны. Она работает в кафе «Лучше, чем дома».

– А... знаю... – Вероника нырнула с головой. Потом вынырнула, отфыркиваясь... – Тогда мне лучше рассказать тебе все самой. Пока Жанна не вывалила ворох новостей. Сплетники у нас тут в городе ужасные. Поэтому я хотела отсюда сбежать.

Она перевернулась и поплыла на спине.

Из рассказа Вероники Серафима узнала, что у нее действительно была любовь, «амур», как она выразилась, с Мосоловым; они расстались из-за стервы-мамаша. С тоски Вероника

рванула в Москву, думала устроиться там, оборвала все связи с прошлым. Но пришлось вернуться, так как обжиться в Москве и стать там своей не удалось. Но почему она не зацепилась в столице, не смогла, как другие девушки из провинции, осесть в городе, осмотреться, а потом выйти замуж – Вероника пояснять не стала. Мосолов же недавно женился. Есть ребенок, девочка. Он оставил все, что связано с Усольцевой, и живет своей жизнью. А вот она... Замуж не вышла, детей нет, живет одна, даже любовников не наблюдает. Словом, на личном фронте полный швах... Но она по этому поводу даже не парится – как складывается в жизни, так и складывается. Еще не хватало ей посыпать голову пеплом и стонать о прошлом каждую минуту...

Вероника говорила об этом спокойно, как об уже отболевшем. Но Серафима, как психолог, понимала, что это может быть маской, за которой прячутся истинные чувства и эмоции. Особенно доверять этим словам не стоит. Вероника говорит ей то, что считает нужным. И было бы странно, если бы она стала откровенничать с практически незнакомым человеком, каким является для нее Серафима.

– Смотри, вон там рыбак стоит, делает вид, будто на удочку смотрит. А на самом деле за нами наблюдает. Дядя Стефан. Он тут постоянно торчит. Венгр. Был тут когда-то проездом. Познакомился с местной девушкой, влюбился, женился. Жена несколько лет назад умерла. У него крыша тихо поехала. Целые дни на реке проводит. Ну что, поплыли обратно.

– Материал искать будешь?

– Конечно. Если что – позвоню тебе.

Когда Серафима вернулась домой, то быстро поужинала и легла спать. Перед сном она посмотрела в окно, и ей показалось, что на кладбище мелькают едва различимые огни. Но вскоре это слабое свечение исчезло. Серафима не могла сказать, действительно это было или ей показалось...

Глава пятая. Последний спиритический сеанс

*Вот в светлице стол накрыт Белой пеленою; И на том столе
стоит Зеркало с свечою...*

Василий Жуковский. Светлана

– Так, я предлагаю устроить спиритический сеанс сегодня и все увидеть собственными глазами.

– А вдруг ваша маменька будет против?

– Они с папенькой сегодня едут в гости к соседям вместе с Владимиром. Так что... правда, мне немного не по себе... – Девушка вздохнула и замолчала.

– Чего вы боитесь? – Молодой человек устремил на нее пронзительный взгляд.

– Ах, Николая! Ну чего мне бояться?

– Что явится какой-нибудь дух, который вас смутит, и вы растеряетесь?

– Ни за что! – упрямо ответила Мария.

– Я знаю, мадемуазель, что вы смелы и решительны. Однако всякая смелость имеет свой предел. Женщины ввиду их естественной слабости...

Но здесь его прервал решительный голос Марии Анастасьевской:

– Это ко мне не относится. Я не трусиха, я не боюсь воды, темноты, ужей...

– Но боитесь лягушек. Недавно...

– Николая, я хорошо помню, что было два дня назад. Да. Мне было... э... Мне сделалось неприятно, когда эта жаба прыгнула на меня, и я крикнула громче обычного... – При этих воспоминаниях едва уловимая судорога прошла по телу девушки.

– Вот видите, – торжествующе сказал молодой человек. – Хрупкость, слабость, присущая вам...

– Оставьте, прошу вас...

– Месмеризм – явление загадочное и таинственное... мы должны идти дальше для научных испытаний и занятий, постановки опытов над природой.

– Декарт говорил, что...

– Вы знакомы с трудами Декарта? – несколько удивленно спросил молодой человек.

– Я прочитала его книгу в библиотеке дядюшки, когда мы были в Петербурге, – чуть смущаясь, сказала Мария.

– Bravo! – захолопал он в ладоши. – Вы умны, красивы. – Он говорил чуть насмешливо, но в его голосе звучало скрытое глубокое волнение... В отличие от Жоржа, добродушного, открытого, Николая изо всех сил старался выглядеть человеком, знающим цену себе и другим. Но у него это получалось плохо; юношеская непосредственность то и дело брала верх над всеми попытками казаться более взрослым, значительным и искушенным, чем это было в реальности.

– Не перехвалите меня, Николая! Я же трусиха. Как вы сказали только что – я слабое существо.

– Я хотел сказать, что ваши достоинства, ваше...

– Николая! – поспешно перебила его девушка, понимая, что дело принимает опасный оборот.

К своим двум поклонникам она испытывала чисто дружеские чувства, в чем-то они ее смешили и веселили. Но представить себя под венцом с кем-нибудь из них она не могла. А уж стать супругой, матерью семейства. При этой мысли ее нос морщился, а губы растягивались в усмешке, и вообще она с трудом удерживалась от смеха, когда пыталась вообразить себе картину супружеской жизни. Она еще ни в кого не влюблялась, сердце ее было свободно. Ей больше хотелось скакать на любимой лошадке Ласточке или собирать по утрам букеты в

саду, музицировать на пианино, бегать по комнатам... А что такое любовь, влюбленность... Однажды она видела, как кухарка Глаша целовалась с кучером Агафоном. Он мычал и гладил ее по спине. Мария влетела в кухню и тут же замерла на месте, увидев это зрелище, затем отпрянула назад и побежала дальше. Какая же она, эта любовь, от которой замирает сердце, как поется в романах? Все это у нее когда-то будет, но потом... потом... Сейчас она даже не хочет думать об этом... Вот бы повидать другие страны, поехать в путешествие... Конечно, это возможно, только когда она выйдет замуж... Они с мужем отправятся в Париж или в Италию... До этого еще столько времени пройдет, а ей хочется всего и сейчас, а не томиться ожиданием. Как же это все несправедливо! Молодые люди могут вести более свободную жизнь, а девушки должны томиться в домах, ждать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.